
Н. Ф. ШИЛЮК
Уральский университет

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАННЕРИМСКОГО ОБЩЕСТВА

Античные авторы в социальной структуре раннеримского общества четко выделяют три общественные категории: патрициев, плебеев и клиентов,— и вопрос о месте и значении этих социальных слоев, их происхождении постоянно поднимается в исторической науке, не получая однако однозначного решения. Различно решается и вопрос об отношении этих категорий к римской гражданской общине. В статье ставится задача рассмотреть проблему с позиций закономерностей развития рабовладельческого общества, характера взаимосвязи в нем социальной структуры с отношениями земельной собственности.

Поскольку юридическое оформление отношений земельной собственности возникает уже после того, как сами эти отношения сложились, земельная собственность будет рассматриваться не столько в правовом, сколько в общественно-экономическом аспекте, а именно — как исторически сложившаяся система присвоения, распределения и потребления средств производства и продуктов труда.

Первой исторически сложившейся формой земельной собственности является коллективная собственность общины, основанная на коллективных формах труда, связанных как с присвоением земли в качестве объекта труда земледельческого коллектива, а также с защитой созданных им общественных богатств, так и с потреблением самой земли в процессе производства. Распределению в этих условиях подвергается не земля как средство производства, а продукты земледельческого труда. И поскольку они, естественно, тоже являлись коллективной собственностью, постольку основным принципом распределения является равномерное согласно половозрастным потребностям распределение полученного продукта, удовлетворяющее и потребности каждого члена коллектива, и потребности коллектива общины в целом (культовые, обмена и т. д.).

Развитие общественного производства, в частности совершенствование орудий труда, с чем связан переход к плужному земледелию, приводит и в земледелии к переходу от коллективных форм труда в процессе обработки земли к индивидуализации труда, что создало основу для изменения системы организации производства. Коллективное хозяйство общины разлагалось, уступая место формирующемуся индивидуальному

хозяйству больших семей. Это вызвало потребность в распределении основного средства производства — обрабатываемой земли — между сложившимися внутри общины семейными трудовыми коллективами. Изменения в системе производства вели за собой изменения в форме собственности.

Основной *экономической ячейкой* общества становится индивидуальное хозяйство большесемейной общины, владеющее и средствами производства, и рабочей силой и самостоятельно осуществляющее весь цикл хозяйственных работ. Продукт труда такого производственного коллектива присваивается и потребляется им самим, для чего основой является непосредственно труд. Таким образом, *коллективная* собственность на продукт труда с характерным для нее принципом равномерного распределения сменяется *трудовой* собственностью с принципом распределения по труду. Утверждение в общине системы индивидуальных хозяйств приводит к тому, что принцип трудовой собственности распространяется и на основное средство производства — *обрабатываемую* землю, ибо ежегодное воспроизводство этого средства производства осуществляется трудом принадлежащей индивидуальному хозяйству рабочей силы.

Коллективная собственность на обрабатываемую землю уступает место трудовой, признаком чего является то, что, пока труд вкладывается в землю, она принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Присвоение земли осуществляется непосредственно в процессе ее производственного потребления и прекращается в случае прекращения ее обработки. Так в недрах еще первобытной земледельческой общины возникает и утверждается одна из типичных черт собственности на землю в рабовладельческом обществе, лишь модернизированная им, когда с развитием эксплуатируемого труда основой присвоения земли становится не только личный труд, но и организация производства с использованием эксплуатируемой рабочей силы.

Однако формирование трудовой собственности на землю не приводит к разложению общинной формы собственности. Она сохраняется, лишь изменяя свой характер, т. е. из коллективной становится верховной собственностью общины, которой опосредована трудовая собственность членов общинного коллектива. Это четко проявляется в том, что присвоение земли, принадлежащей общине, возможно *только* для члена общины. Вместе с тем распределение общинной земли между индивидуальными хозяйствами регулируется общинными органами управления, при этом учитываются не только потребности отдельных хозяйств, но и интересы коллектива в целом. Наряду с возникшей трудовой собственностью сохраняется и коллективная, распространяясь в новых условиях в основном на не обрабатываемые земли, коллективно используемые для других форм хозяйственной деятельности. Собственностью общины был и резервный фонд земель, а также участки, отведенные для

удовлетворения общественных потребностей и находящиеся под эгидой божества.

Одновременно с изменением форм организации хозяйства и форм земельной собственности в общине идет процесс усложнения форм общественной жизни и социальной организации. Развитие системы индивидуальных хозяйств внутри общины, вне зависимости от того, связаны ли еще их владельцы родственными узами или уже нет, вызывает необходимость регулирования хозяйственных отношений между соседями, что становится функцией должностных лиц общины¹. Рост значения функций по регулированию общественных отношений требовал все больших затрат труда, что в условиях развития общественного производства привело к разделению труда внутри общины на производительный и связанный с организацией общественного производства (регулирование распределения общественных богатств, разрешение конфликтов между членами общины, сюда же относятся и культовые функции, ибо мировоззрение тесно связывало успех производственного процесса с покровительством божества). Это разделение труда следствием своим имело усложнение социальных отношений, так как, с одной стороны, вводило необходимость обмена трудом, с другой — в условиях утвердившейся в общине системы выдвижения должностных лиц создавало предпосылки для формирования родовой знати.

Земледельческая община наследует сложившийся в предшествующий период принцип выдвижения должностных лиц на основе трудового авторитета, который создается и поддерживается путем широких раздач продуктов труда сообщинникам². В условиях существования системы индивидуальных хозяйств это неизменно приводило к тому, что должностные лица выдвигались из экономически наиболее крепких хозяйств, так как именно такие хозяйства имели наибольшие возможности для осуществления постоянных раздач. Вместе с тем постоянное выдвижение из среды этих домов должностных лиц, с одной стороны, приводило к тому, что в их руках аккумулировались знания и опыт, они становились хранителями сложившихся традиций, с другой — исполнение должностных функций способствовало экономическому укреплению хозяйств этих домов. Прежде всего это связано с тем, что в руках должностных лиц находилось управление общественным фондом, создававшимся общиной для удовлетворения общих потребностей коллектива³. Закрепление выполнения общественных функций за выделившимися определенными родами на основе наследственного права завершило формирование родовой знати.

Таким образом, в коллективе общины сложились два социальных слоя: родовая знать (сосредоточившая в своих руках управление общинным коллективом и в силу этого регулировавшая распределение основного богатства общины — земли) и

рядовые общинники (фактически отстраненные от управления, основной общественной функцией которых оставался производительный труд). Но как члены общины рядовые общинники сохраняли неотъемлемое право на владение определенной долей земли общины. Сохранение ими трудовой собственности на землю связано не только и не столько со сложившейся традицией, сколько с тем, что общинная организация была единственной формой защиты экономических интересов не только их самих, но и родовой знати. Это гарантировало сохранение сложившейся социально-экономической структуры, а вместе с тем и характерных для нее поземельных отношений.

Именно эти поземельные отношения стали основой формирования того типа классовой структуры, который характерен для рабовладельческого общества.

Исполнение организационных функций было связано не только с привилегиями, но и с обязанностями по отношению к общинному коллективу. Экономическая возможность выполнения этих обязанностей обеспечивалась правом использовать богатства общественного фонда, а также правом на владение значительными участками обрабатываемых земель. Но эти большие массивы земли, конечно, не были рассчитаны на обработку личным трудом представителей знатных родов. Это были средства производства, реализация которых была возможна только посредством эксплуатации.

Однако эксплуатация производителей, трудом которых обеспечивались потребности общинного производства, т. е. рядовых общинников, не могла развиваться в сколько-нибудь значительных размерах, ибо «сама община и союз, к которому принадлежала эта община, еще не выделяли из своей среды свободных, избыточных рабочих сил»⁴. Этому мешала непосредственная связь рядовых общинников с землей на правах собственности как членов общины, как соучастников общинной собственности на землю. Их права на землю защищались всей структурой общинной организации. Не случайно, когда с ростом численности общинного коллектива исчерпывались возможности обеспечения земель всех работоспособных его членов, община отторгала этот избыток путем организованной колонизации даже в том случае, если развивающееся хозяйство знати нуждалось в эксплуатируемой рабочей силе. Игнорирование экономических прав членов общины неизбежно должно было привести к социальному конфликту, грозившему гибелью самой общине, а вместе с ней и общинной знати, не имевшей иной социальной опоры и защиты своих экономических интересов. В этих условиях эксплуатация могла активно развиваться только путем вовлечения в общинное производство рабочих рук извне, путем использования производителей, не связанных с общинным коллективом.

Источником таких рабочих рук могла служить война. Однако

использование в сколько-нибудь значительных масштабах рабской рабочей силы невозможно без сложившегося аппарата принуждения, а его еще не существовало. В этих условиях более доступным объектом эксплуатации были лица лично свободные, но не входившие в общинный коллектив. Во-первых, это при верховной собственности на землю общины лишало их возможности присвоения земли даже при наличии ее резервного фонда. Доступ к земле как средству производства они могли получить не путем ее присвоения, а лишь через посредство членов общины. Во-вторых, не будучи членами общинного коллектива, который один только и давал гарантию охраны личных и имущественных интересов, они были полностью беззащитны и бесправны, и защита их интересов могла возникнуть только через посредство кого-либо из членов общины. Вступая под покровительство знати, они получали и землю, и защиту, в ответ принимая на себя экономические и личные обязательства.

Такое внешне добровольное подчинение на самом деле обеспечивалось существованием общины, которая и выполняла роль аппарата принуждения. Появление этой новой функции превращало общину из первобытной земледельческой в гражданскую — первую политическую организацию, объединявшую крупных и мелких собственников и направленную против эксплуатируемых производителей. Такое изменение характера общины непосредственно связано со становлением классовых отношений, в социальной структуре общества в этот период проявляющих себя не столько в развитии рабства, сколько в формировании на территории общины слоя непосредственных производителей, юридически свободных, но экономически и лично зависимых от общинной знати.

Таким образом, рассматривая социальную структуру раннеримского общества, необходимо прежде всего обратиться к поземельным отношениям, выяснить характер отношения к земле сложившихся категорий населения.

Часть земель римской общины, в производстве которой большую роль играло скотоводство, использовалась под пастбища. Но отношение в данный период к этому земельному фонду различных социальных категорий населения источниками не освещается, а потому для анализа могут быть использованы только сведения об обрабатываемой земле и резервном фонде общины, создание которого в значительной степени шло путем завоеваний⁵.

Обрабатываемые земли находились в пользовании индивидуальных хозяйств. Характер распределения этих земель сложился в момент формирования римской общины и, видимо, отражал уже существовавшую в обществе практику. Традиция связывает с Ромулом, во-первых, распределение земель между родового характера коллективами, во-вторых, между индивидуальными хозяйствами (двухюгеровый надел)⁶. И в том, и в

другом случае распределение земли осуществлялось должностным лицом общины, стоявшим во главе ее, и, следовательно, велось от лица общины. Это распределение земли источники не связывают с обязательствами экономического характера. Право распределения земли сосредоточено в руках знати. Именно в нарушении этого права Плутарх видит один из поводов убийства Ромула патрициями (R, XXVII).

К периоду первых рексов относится и иная практика наделения земель. Земля предоставляется производителям представителями патрицианских родов с возникновением при этом экономических и личных обязательств производителя (клиента) по отношению к лицу (патрону), от которого он получает в пользование участок обрабатываемой земли.

В таком случае возникает вопрос, чем вызвана различная практика наделения земель производительного населения: непосредственно общиной, т. е. так же, как получают землю сами патриции, и через посредство патрицианских родов?

Ответ на него может дать анализ аграрной проблемы, лежавшей в основе борьбы патрициев и плебеев в раннереспубликанский период. Различие между ними было в том, что только патриции имели право оккупации земель общественного поля, тогда как плебеи могли получить землю лишь при распределении ее государством на правах наследственного владения. Таким образом, принцип наделения земель плебеев в раннереспубликанский период по сути был тот же, что и наиболее раннее распределение двухюгерового надела времени Ромула. Истоки различия в положении патрициев и плебеев, безусловно, уходят в предшествующий республике период. Они становятся закономерными, если учесть, что общественное поле — это резервный фонд общины, а для выполнения своих общественных функций знать общины всегда обладала привилегией в пользовании общественным фондом. Таким образом, в ее распоряжении оказывался резерв земли, создававший широкую возможность для концентрации обрабатываемых земель в руках знати, что создавало экономическую основу для формирования зависимого от патрициев слоя клиентов. Но формироваться он мог из лиц, не только не владевших землей, но и не обладавших правом на землю.

Подобная характеристика не может быть отнесена к плебейам. Во-первых, общепризнано, что в основе первоначального ценза сервиевых имущественных разрядов лежал земельный надел, что свидетельствует о землевладении плебеев. Формироваться оно могло только при распределении земли общиной, т. е. в производителях, в период возникновения римской общины получавших от нее двухюгеровый надел, нужно видеть плебеев или, точнее, рядовых, незнатных общинников. Во-вторых, борьба плебеев за право оккупации земель общественного поля говорит о том, что они считали себя соучастниками верховной

собственности на землю общины. Вместе с тем необходимо отметить, что клиенты не присоединялись к плебеям в этой борьбе⁷.

Таким образом, патрициев и плебеев объединяет соучастие в верховной собственности на землю общины, хотя и с различным объемом прав на пользование землями общественного поля, а это признак того, что те и другие являлись членами единого общинного коллектива, хотя и составляли различные слои его. В то же время отсутствие у клиентов признаков отношения к земле как собственности дает возможность делать вывод об отсутствии их связи с общинной организацией.

Типичной чертой общества, находящегося на стадии формирования классов и государства, является сосредоточение политических прав в руках родовой знати. Римские патриции выполняют все функции родовой знати: управление общиной, жреческие, судебные. Отсутствие этих функций у плебеев как раз и характеризует их как незнатных, рядовых общинников — слой, без которого не существует ни одна община, находящаяся на стадии разложения родовых отношений. Различие их политического положения с патрициями является нормой для данной стадии развития общины.

Но те же функции отсутствуют и у клиентов, а потому не могут ли они являться рядовыми общинниками?

Однако кажущаяся схожесть места в общине плебеев и клиентов своим происхождением обязана лишь ярко отличающемуся от них положению патрициев. Плебеи и клиенты отличаются друг от друга важнейшим признаком — отношением к земле, не имея прав на управление общинным коллективом, плебеи имеют право на землю.

Другим существенным различием между плебеями и клиентами является то, что первые, как это и закономерно для незнатного слоя общины, не имеют никакого отношения к патрицианским родам, тогда как вторые тесно связаны с ними. Но что собой представляет эта связь? Прежде всего, клиенты выступают не как родичи, а как зависимые лица, находящиеся под покровительством рода. Именно это покровительство создает защиту их личности и имущественных интересов. Такое положение типично для лица, не связанного с общинной организацией, чужака на территории общины. Клиенты обычно принимали родовое имя патрона, та же практика для более позднего времени существовала для вольноотпущенников. Патрон мог выступать наследником имущества клиента, для более позднего времени то же можно сказать о вольноотпущенниках. В случае материальных затруднений патрона клиент обязан был оказывать ему помощь, что сравнимо с материальными обязательствами, которые вольноотпущенник сохранял по отношению к своему бывшему господину. Клиент не мог выступать в суде свидетелем против патрона, но и раб не мог

свидетельствовать в суде против господина. Нарушение патроном своей обязанности защищать клиента приравнялось к оскорблению божества, но это находит себе аналогию в отношениях гостеприимства, а не отношениях внутри рода. Таким образом, хотя связь клиента с родом патрона достаточно тесная, она не является органической, не включает клиента через посредство рода в общинную организацию, а лишь создает условия для подключения его к общинному производству в качестве эксплуатируемой рабочей силы.

О социальной структуре раннеримского общества позволяет судить и характер развития войска.

Важной общественной функцией родовой знати является то, что она составляет основу военных сил общины. Для выполнения этой функции знать начинает создавать свои дружины как правило из лиц, не входящих в общинный коллектив. Такой способ формирования дружины, во-первых, сразу ставит ее в зависимом от патрона положение, т. е. делает послушным инструментом в его руках, во-вторых, наиболее эффективно решает насущную для данного периода задачу разделения труда в общине на военный и производительный. Осуществляя защиту территории общины и освобождая от этого вида труда рядовых ее членов, знать тем самым создает оптимальные условия для развития общинного производства. Экономически возможность такого разделения труда обеспечивается правом распоряжения общественным фондом, привилегией широко пользоваться резервным фондом земель общины.

Сведения о раннем этапе формирования военных сил римской общины скудны. Плутарх указывает, что во время Ромула граждане были разделены на тех, из кого формировались легионы, и на тех, кто не служил в войске (R, XIII). Войско по характеру было ополчением, основой формирования которого служила курия, выступавшая вместе с тем самостоятельной единицей в собрании воинов — куриатных комициях. В системе курий, являвшейся организацией патрициев, сохранились элементы древних традиций: распределение земли по коллективному принципу, тогда как в обществе утверждается индивидуальное землепользование; при голосовании курия рассматривается как коллектив, которому присуще единство интересов. В период разложения родовых отношений связанные с ними традиции, как правило, более стойко сохраняются в среде знати, чему способствует то, что на них она основывает свои привилегии.

С патрициями же связан и другой элемент военных сил. Известно, что по призыву своих патронов в военных походах принимали участие клиенты⁸. Однако вряд ли это распространялось на всех клиентов. Источники говорят о существовании особо близких патрону лиц — сотоварищей, которые, сопровождая его в походах, составляли его дружину⁹.

Все это вместе взятое позволяет говорить, что военные функции связаны в первую очередь с патрициями. Однако если на раннем этапе становления гражданской общины такое распределение функций полностью совпадает с распределением общественных богатств внутри общинного коллектива, то развивающийся процесс имущественной дифференциации приводит к тому, что понятия «знатный» и «богатый», а также «незнатный» и «бедный» перестают полностью совпадать, и насущной потребностью становится подключение к активному участию в войске имущей части рядовых общинников. Кроме того, без расширения контингента, формирующего ополчение, невозможно было увеличение численности войска. Эти задачи выполнила реформа Сервия Туллия¹⁰. По сути реформа восстанавливает принцип распределения военной обязанности исходя из имущественного положения члена общины — наиболее рациональный принцип формирования военных сил на основе ополчения, — но делает это единственно возможным способом — ликвидацией традиции, закреплявшей военные функции преимущественно за патрициями, традиции, в новых условиях ставшей тормозом в развитии войска.

Отмена преимущественного выполнения военной функции патрициями сделала анахронизмом их привилегии в пользовании общественным полем и политические привилегии, что поставило на повестку дня борьбу за отмену этих привилегий, и борьбу эту плебеи ведут средствами, данными им в руки сервиевой реформой, т. е. опираясь на свою роль в войске. Но все эти изменения никак не затрагивают клиентов.

Таким образом, анализ отношения к земле и общественных функций социальных категорий раннеримского общества, выделенных античными авторами, позволяет сделать вывод, что патриции и плебеи — это два слоя общинного коллектива, выполнявшие различные общественные функции, а потому обладавшие различным объемом прав и обязанностей. Появление их в римской общине не может быть разновременным, так как она возникает в условиях, когда уже завершилось формирование родовой знати. Это не исключает того, что сам термин «плебеи» мог появиться позднее. Клиенты — социальная категория, не входившая в общинный коллектив. Формирование ее в обществе вызвано развивающейся потребностью в эксплуатируемой рабочей силе, следовательно, она неразрывно связана с утверждением родовой знати, а вовлечение ее в общинное производство осуществляется через посредство патрицианских родов.

¹ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 183—184.

² Семенов Ю. И. Эволюция экономики раннего общества. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1975, с. 105, 109.

- ³ Ш и л ю к Н. Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества. Свердловск, 1982, с. 12—13.
- ⁴ Э н г е л ь с Ф. Анти-Дюринг, с. 185.
- ⁵ Анализ структуры земельного фонда римской общины дан в работе: М а я к И. Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. М., 1983, с. 199—231.
- ⁶ Там же, с. 214—215; 229—230.
- ⁷ Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, с. 148.
- ⁸ Там же, с. 146—147.
- ⁹ М а я к И. Л. Рим первых царей..., с. 158—160.
- ¹⁰ Поскольку в задачу статьи не входит всесторонняя оценка предпосылок и значения реформы Сервия Туллия, во внимание принимается только данный аспект.

А. В. ШМАЛЬКО
Харьковский университет

РИМСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПРОВИНЦИИ ВИФИНИЯ-ПОНТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I в. до н. э.—I в. н. э.

Римское государство всегда уделяло большое внимание созданию социальной опоры в завоеванных провинциях. Район Южного Причерноморья, прежде всего провинция Вифиния-Понт с давними традициями собственной государственности, представлял для Рима значительные сложности в организации управления. Это придавало особо важное значение проведению социальной политики. Ее изучение позволяет полнее представить себе как римскую политику в Вифинии-Понте, так и всю провинциальную политику Рима.

Актуальность исследования данного вопроса связана также с его относительной малоизученностью. Несмотря на обилие работ, посвященных римской Малой Азии, в частности Вифинии-Понту¹, основные вопросы римской политики, в том числе социальной, остаются до настоящего времени нерешенными. В буржуазной историографии большинство авторов не углублялось в изучение социальной политики, ограничиваясь утверждением об опоре Рима на города провинции². Попытка точнее определить эту опору была сделана В. Рамзеем, пришедшим к выводу об опоре Рима прежде всего на традиционную знать, а также на часть средних слоев, получившую римское гражданство³. Другую точку зрения занял А. Джонс, видевший в римской политике попытку опереться на цензовую верхушку городов, из которой впоследствии образовалось сословие куриалов⁴. Д. Меджи обратил внимание на покровительство местной интеллигенции со стороны римских властей, однако никаких выводов из этого он не сделал⁵.

Советские исследователи единодушны в том, что Рим стре-